

*Писатели-патриоты
великой родины*

В. Я. БРЮСОВ

(1873 - 1924)

О Г И З

Гослитиздат

1943

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

БРЮСОВ ✓

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Подготовка текста
и вступительная статья*
Г. М. ЛЕНОБЛЬ

589

ПРОВЕРЕНО

Директор, Уполномоченный Б. Соловьев
Иванов И. Ю. РЕДАКТОРА

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

Под редакцией
А. М. Еюлина, Е. Н. Михайловой,
И. Н. Розанова

БРЮСОВ — ПЕВЕЦ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

«Если бы обстоятельства момента сложились так, что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, после чего наступит грядущее торжество родины, и тогда явится поэт, достойный великого момента».

Эти горячие, от всего сердца идущие слова, проникнутые огромной любовью к России и непоколебимой верой в силы русского народа, принадлежат поэту Валерию Брюсову и были произнесены им в январе 1915 года, во время первой мировой войны.

Валерий Яковлевич Брюсов является одним из крупнейших русских поэтов и литературных деятелей первой четверти XX века. По широте своих художественных интересов, по разносторонности своих творческих устремлений, наконец, по незаурядному своему поэтическому мастерству Брюсов среди писателей, одновременно с ним подвизавшихся на литературном поприще, почти не знал себе равных.

Чрезвычайно высоко ценил дарование Брюсова великий русский писатель А. М. Горький.

В 1901 году, т. е. тогда, когда Брюсов по существу только еще начинал и когда направление его творческого пути далеко еще не определилось, Горький писал ему: «Вы мне страшно нравитесь, я не знаю вас, но в лице вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера. Вы, мне кажется,

могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека, вот что...»

С годами эта высокая оценка Брюсова у Горького лишь укреплялась. Так, в одном из горьковских писем к Брюсову, относящихся к 1917 году, говорится: «Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю: эта искренна». В другом письме Горького того же периода снова повторяется: «...это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека более деятельного, чем вы. Превосходный вы работник! Прочитал «Египетские ночи» (поэма Брюсова.—Г. Л.) Если вам интересно мнение профана в поэзии — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и вы — поэт божией милостью, что бы ни говорили и ни писали люди «умственные»...»

В приведенных нами выдержках из писем Горького отмечены те положительные качества поэзии Брюсова, которые определили ее ценность и жизненность. Необходимо, однако, вместе с тем указать, что Брюсов был поэтом крайне сложным и противоречивым. Он отдал в ряде своих произведений заметную дань эстетизму и индивидуализму. Он нередко отворачивался от современности и, согласно его собственному выражению, уходил «в века загадочно былые».

Но недаром Горький говорил, что Брюсов может хорошо заступиться за угнетаемого человека! У Брюсова, хотя он и рядился порой в «одежды странные и эксцентричные», что также отмечено было Горьким, — у Брюсова в груди билось сердце горячего русского патриота. Именно поэтому в самые трудные, в самые ответственные моменты поэт оказы-

вался всегда с народом. Так было в 1905 году, когда Брюсов приветствовал революцию, еще не осознав ее подлинный смысл и величие; так было и в 1917 году, когда выстрелы с «Авроры» возвестили начало Великой Октябрьской революции.

Брюсов, несомненно, имел право сказать в знаменитом стихотворении «Кинжал»:

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Патриотическая и революционная тема занимает выдающееся место в творчестве Брюсова, — и ей он обязан многими своими наиболее значительными поэтическими достижениями.

В наши дни, дни великой отечественной войны с германским фашизмом, с особым волнением перечитываешь стихи, написанные Брюсовым в 1914—1915 годах. Как ярко и как свежо выразилось в лучших его военных стихах оскорбленное патриотическое чувство русского человека! С какой исключительной силой звучит в них уверенность в конечной победе русского народа!

В ответ на наглые антиславянские выпады, которым германская пропаганда предавалась еще в первую мировую войну, Брюсов в гневном стихотворении, датированном 30 июля 1914 года, писал:

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий...

И, преисполненный национальной гордости, Брюсов напоминал надменному врагу о великой исторической миссии, выпавшей на долю славянского племени.

В годы тяжелых испытаний, выпавших на долю его родины, Брюсов горячо воспевал стойкость и выдержку русского народа.

В октябре 1917 года Брюсов, резко порвав с большинством прежних своих друзей, связал свою судьбу с советской властью и в 1920 году вступил в ряды партии большевиков. Он понял, что будущее России отныне неразрывно связано с большевиками, с Лениным. «В календаре столетия», по словам поэта,

... выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный октябрь,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну...

Брюсов был первоклассным художником, сделавшим значительный вклад в сокровищницу русской культуры. В этом признанном мастере чеканного стиха нам близка и дорога его патриотическая страсть, любовь к родине, его стремление стать «песенником борьбы» в грозные дни, когда сверкают молнии.

Г. ЛЕНОГЛА

МЫ

В мире широком, в мире шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом, —
Мы — гребень встающей волны.

1899

КИНЖАЛ

Иль никогда на голос мещеня
Из золотых ножен не вырвешь свой кинжол...

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
 Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы
 Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
 Затем, что молнии сверкали.

1903

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ.

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах сумрака и льда,
Петь заставил веший молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств;

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

И насильники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1907

СТАРЫЙ ВОПРОС

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,

Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим перед ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

1914

НА КАРПАТАХ

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни же ожидаемым мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман.
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

1914

П О Р А !

Была пора ударить буре,
Расчистить хмурый небоспод.
И вот — нет проблесков лазури,
Гроза гремит, гроза растет.

То не камыш под ветром гнется,
Твердыни крепостей дрожат;

Не дождь на травы пастбищ льется,
Стальной стучит по грудям град;

То не деревья, в вихре яром,
На берег рухнули пруда, —
Кругом, обгрызаны пожаром,
Лежат в руинах города.

С Атлантики вплоть до Урала
Самумом движутся полки;
Кровь снег и травы запятнала,
Кровь замутила ток реки.

На вольных, вечных океанах,
У стен пяти материков,
Мелькают без огня в туманах
Громады боевых судов.

Темны мечты, виденья дики,
Водоворотом схвачен мир.
Везде штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушек и мортир.

Гроза «военной непогоды»
Шумит по градам и полям,
Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!

Пусть громы пробушуют в небе,
Огонь молний пусть прожжет сердца,
И пусть узнают все свой жребий,
Свою судьбину до конца!

ЧАША ИСПЫТАНИЙ

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты...
И вот — в руках врагов заложница,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников
Спокойно жертву принесем!
Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: итти должны до края мы,
Все претерпев, не ослабеть.
День торжества, день нами чаемый
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы все те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!

1915

АЭРОПЛАНЫ НАД ВАРШАВОЙ

Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны,
Так в знак, что грозы боя близки,
Взгляни,— парят аэропланы.

Миг,— и продольный, долгий трепет
Пройдет по улице; метнется
Толпа и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вольетая.

Мотки белеющей кудели
Взлетят и таять будут в сини,
И, под пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются в сети линий.

А там, воздушные пираты,
Спокойно правя лёт машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.

Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!

1914

ДЕРЕВЕНСКИЕ РИФМЫ

Опять развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;

Вдали излуки малой речки,
И главы дальнего села;
А близко — девка на крылечке,
Статна, румяна, весела.

Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонк
Прозрачных тучек хоровод!

Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.

1915

ФЛАМАНДЦАМ

Народ Верхарна! не напрасно веший
Тебя прославил: жив твой мощный дух!
Он молнией в дыму сражений блещет,
Он в громе пушек нам вещает вслух.

И, кажется, опять восстал Карл Смелый
Иль Будуэн Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервенелым
Следят, дивясь величию, века.

Нам не забыть, как ты в любимом Льеже
Свою свободу гордо ограждал,
Твои сыны, как в славном прошлом, — те же:
Поэт дал клятвы, ты их оправдал.

Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильней:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.
1914

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами — два-три деревянных креста,
Местами — развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы — тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, на мили, на мили, —
Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон — вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?»
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый —
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа
Россия в дни борьбы кровавой
И в дни былого принесла!
Недаром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!

Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне,
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезилась во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, — наконец!

1917

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом:
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике, в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней,
Заполни, с лицом непреклонным,
Свой день в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль, согнут над чистой страницей,
Что сердце диктует, пиши:

Пусть небо зажжется денницей, —
Всю ночь выводи вереницей
Заветные тени души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами, — неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за станком!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом!

1917

НАМ ПР О Б А

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вкруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Ажец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце в груди!

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б, как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1919

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрошенных бурь
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
— Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыея,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?

Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От чингизхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила.
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

Я выросал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выскивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял, как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель;

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях иды марта,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим четырнадцатым декабря?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день брюмер.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный октябрь,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнувшим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

КОММУНАРАМ

Под вопль вражды, под гулким гневом,
Недаром вы легли в веках, —
Упал над миром тучным севом
Ваш огненно-кровавый прах;

Вы, лабиринтцы, в дни позора,
Под дерзким эллинским копьем;
Ты, круг священный Пифагора,
Поющий на костре своем;

Вы все, что восставали, тая,
Вальденцы, Виклеф, Гуса стан,
Пророки нового Синая,
Ты, исступленный Иоанн;

И вы, кто жертвой искуплений
Легли в Париже, у стены,
Чьи грозно вопящие тени
В лучах побед вознесены!

Как в басне, из зубов дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете в земное лоно
Вы мученичества венцы.

Под те же гулы и угрозы,
Приемля ваш немолчный зов,
Мы ваши праведные грезы
Возносим над борьбой веков!

1921

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудов,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод.
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод —
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот.

1921

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армий Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба,
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Перед гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!

1924

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

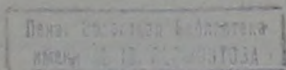
Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

1924

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ленокль. Брюсов—певец великой России	3
Мы	7
Книжка	7
Хвала человеку	8
Старый вопрос	10
На Карпатах	11
Пора!	12
Чаша испытаний	14
Аэропланы над Варшавой	15
Деревенские рифмы	15
Фламандцам	16
Западный фронт	17
Освобожденная Россия	18
Работа	19
Нам проба	20
Россия	21
Только русский	22
«Я выросал в глухое время»	24
Парки в Москве	25
Октябрь 1917 года	26
Коммунарам	26
Серп и молот	27
На смерть вождя	28
Деци	29

Редатор М. Э с с е н
Подписано к печати 8/VI 1943 г.
А473 Печ. л. 1 Уч.-авт. л. 1,49
Тир. 25 000. Цена 1 рубль. Зак. 798
Ремесленное училище № 3
Москва, Хохловский, 7.

1 руб.